

Взорванный берег

(Окончание. Начало в № 24)

Часть II

Сила слова

Аллеи по-над берегом овалом,
Гранитный воин к городу лицом.
Здесь мирно тишина

торжествовала
Над твердью, пренасыщенной
свинцом.

Среди ковра цветов, за камнем
камень,
Скрижали памяти в десятки строк,
За каждой сердца вырванного

пламень,
Огня неугасимого исток.

«Однополчане, я сегодня с вами.
Мешают слезы, уж наплачусь
днесь.

Не высказать, не передать словами
То чувство, что испытываю здесь.
Стою мальчишкой, ежась

виновато,
Все вроде сделал, а душа болит.
Мне б только знать, да веры

маловато,
А много ль спросишь
у могильных плит?

Простите, братцы, что так долго
не был,
За то простите, что живу еще,
Копчу, как говорят в народе, небо

За ваш, ничем невозполнимый
счет.

Я ни один приехал, со своими,
Идут по кругу, от плиты к плите.
Пусть знают цену прежнего

«ВО ИМЯ»
Во всей его наглядной полноте.
Да, что-то притомился я с дороги,
Найду местечко, чтоб недалеко,
Стоять уже невмочь, немеют

ноги,
Не жалею, кому сейчас легко?
Вон и скамейка под березкой

белой,
Мужчина дремлет, как и я, седой.
Здесь отдохнуть душой –

святое дело
В тени таких красавиц над водой.
«Позвольте, уважаемый, присяду

Я с краю, только дух переведу.
С ногами нынче никакого сладу,
Считай, с войны я с ними

не в ладу».
Заставил вздрогнуть тихий

голос сзади,

Он обернулся, женщина в летах:
«Мы тоже с ним сюда приходим
за день,

И каждый год здесь новая плита.
Напрасно говорите, не ответит.
Он шестьдесят шесть лет

уже молчит.
Видать, отговорил на этом свете,
Болезнь – война, ее не излечить.

В тот день таких тяжелых
двое было,
Насколько помню, оба со Свири,

Тогда народу много понабило,
А этих покрошило, хоть «вари».
Он поступил к нам после

переправы –
Глухой, немой, с дырой
навыллет в грудь.

Таких исполосованных, но правых
Не в медсанбат, а на небо

берут.
Врач говорил, его спасло бы слово,
Бог знает, сколько я сказала слов.

Читала, пела, повторяла снова,
Молилась всем, и это не спасло.
Знакомый шрам, и вам тогда

досталось,
А на спине еще должно
быть шесть.

Ведь это ж надо, в памяти
осталось –
Я зашивала, точно знаю – есть.

Вы снайпер-бронебойщик,
это правда?
Была приписка в месте,

где «стрелок».
Вот это встреча, Боже, как я рада,
Ведь ПТР таскал и мой минок».

И, улыбнувшись нежно,
хитровато,
Она вдруг посмотрела, как тогда.

Он разом вспомнил голос
и палату.
«Ну, здравствуй, воин, как твои

года?!»
«Не может быть! Так в жизни
не бывает!

Позвольте тронуть, это
просто сон!
Блажен тот, кто на случай уповаet,

Кто ищет Божья промысла, вот он!
Но как вы здесь, сейчас, какой
судьбою?

Я, помнится, трех дней
не пролежал,
Меня, как куклу, сшили после боя,
И сразу в тыл, не попрощавшись,

жаль».

«Вас в госпиталь, а нас поближе
к фронту,
Шли на прорыв, работы

через край.
К нам в сутки поступало
больше роты –

Держи, шивай, бинтуй, потом
стирай».

Она украдкой глянула на мужа,
Тот мирно отдышал, прикрыв

глаза.
«Вы пережили ад кромешный,
ужас,

А мы над вами гнулись, как лоза.
Пока мой дремлет, я спрошу,
быть может,

Узнаете своих однополчан,
Есть очень старый снимок,
он поможет,

Боец, что слева, снайпер
из ельчан».

С волнением, открыв кармашек
сумки,
Искала, как потерянный билет.

«Нашла, лежит во внучкином
рисунке,
Ношу сюда с надеждой

столько лет».
Взяв в руки фотографию,
он замер,

Влетев, как в прорубь, в сорок
третий год.
Включился чуда сердцем

скрытый таймер:
Десант на стрельбах,
их учебный взвод.

Из глянца, пожелтевшего от века,
Сквозь паутины трещин,
серый фон,

Ружье в станке, над ним два
человека.

И тот, что без пилотки справа – он.
«Их было две, моя осталась дома,
Вторая у напарника, но как?!»

«Она, мой друг, из нашего
альбома,
А дальше думай, если

не простак».

Еще не осознав, он вдруг поверил,
Взгляд перешел с ее лица, туда...
Он узнавал сквозь боль и болью

мерил,
Ни шрам не помешал, ни борода.
Знакомые черты и руки те же,

Колени сжал ладонями в упор,
Как будто сел, и груз тяжелый
держит,

Привычка сохранилась до сих пор.
«Живой, братишка,
я-то ставлю свечи,

А сколько горькой выпил
за покой...
Да, время не щадит нас и не лечит,

А резюме для всех одной
строкой».

Она остановила: «Пусть
проснется,
Да он и не узнает, столько лет...

Коли без суеты, Господь коснется,
А так трясти спросонья –
толку нет».

«Клин клином выбивают,
может, стоит,
Так восстановим событийный

круг,
Допустим, это самое простое,
А вдруг и впрямь получится,

а вдруг:
Огонь, дымища, звон в ушах
и гомон,

Мы бьем по миномету за рекой.
Взрыв мины, приготовились
к другому,

И вроде нет чего-то под рукой.
Ружье! Его отбросило волною,
Потом огонь, земля со всех сторон.

Блеск теплых гильз, посеянных
войною,
Рассвет, озноб и близкий

хрип ворон.
«О Господи, я чувствую,
что рядом

Частичная потеря, не урон,
Была бы пушка, будут и снаряды».
И как в бою он прокричал:

«Патрон!».
Казалось, глупо, грубо и нелепо,
Совсем не к месту, страшно

невыпадет,
Но память вспышкой вырвалась
из склепа,

Поправ безмолвный рвущий
душу ад:
«А я-то думал, мне все это

снится».

Стоявшие схватились за сердца,
Как тот немой под Божьею

десницей
Заговорил, по милости Творца.
«Сижу и вспоминаю нас с тобою,

О том, как ты в окопе рассуждал,
И вдруг очнулся здесь, как
после боя

От голоса, который ожидал.
Ты только побелел, а так все
тот же.

Ну голосище! До сих пор в ушах.
Видать, не зря я столько жил
и дожил,

Чтоб легким стал и мой
последний шаг.
Тогда я видел, как ты сокрушался,

Как, истекая кровью, полз ко мне.
Я так кричал, но звук
не разрешался,

И ты остался там среди камней».
Он с каждым словом на глазах
менялся,

Светясь, как им казалось, изнутри.
На этот раз, очнувшись,
он поднялся,

Пусть в девяносто, но как
в двадцать три!
Его жена, закрыв лицо руками,

Едва ли верила, что все – не сон,
С души сползал такой тяжелый
камень,

И камень этот – многолетний стон.
Сквозь пальцы, привыкая,
любовалась,

Не будет больше в доме тишины.
Все самое заветное сбывалось,
Ее герой вернулся с той войны.

Он говорил негромко, сила волю,
А на лице, в глазах – такая боль,
И вдруг заплакал, в голос,
волчьим воем,

Да так, что на зубах скрипела соль.
Обнявшись крепко,
до сердечной дрожи,

Два воина, не сдерживая слез,
Шептали тихо: «Слава тебе, Боже»
У Вечного огня под шум берез.

**Вам, воинам – десанникам
крылатым,
Живущим ныне и ушедшим**

**в синь,
Лежащим в плащ-палатках,
маскхалатах;**

**Всем вам, от генерала до солдата,
Поклон земной от всей
святой Руси.**

(2010 год)

